

Мужун Лань:

— Я знаю, что вы сами разберётесь со своими делами, ты с детства ребёнок, не доставляющий хлопот, папа верит, что ты будешь ответственным альфой. Но как человек с опытом, я всё же хочу напомнить тебе: когда двое вместе, общение очень важно.

— Спасибо, папа, я буду внимателен, — сказал Фу Бай. — Хотя мои с А Цю брачные отношения пока нельзя раскрывать, я заявлю публично об изменении семейного положения, обозначу, что я женат. И ещё, папа...

Фу Бай запнулся.

Мужун Лань:

— Что такое? Говори.

— Папа, А Цю — сирота, у него ещё есть брат с мёртвым мозгом, лежащий в больнице. Он... несчастный ребёнок, я надеюсь, ты сможешь любить его немного больше, — Фу Бай говорил очень искренне, с оттенком просьбы.

Мужун Лань заметил, что, произнося эти слова, резкие черты лица Фу Бая смягчились, весь он стал более нежным. Он почувствовал, что сын изменился.

— Я понимаю, — Мужун Лань погладил Фу Бая по голове. — У этого ребёнка нет родителей, отныне я буду ему родителем.

— Спасибо, папа.

Ночь становилась всё глубже, уже приближалось утро, из операционной вышел врач. Фу Бай подошёл спросить о состоянии, но врач, не успевая много говорить, лишь отмахнулся.

Фу Бай заволновался ещё сильнее, начав ходить взад-вперёд у дверей реанимации.

Мужун Лань тоже начал нервничать, лицо его становилось всё мрачнее. Поднимаясь с кресла, он чуть не упал.

Только тогда Фу Бай вспомнил, что отец провёл здесь с ним уже несколько часов, а отец всегда был слаб здоровьем, организация сегодняшнего благотворительного ужина и так сильно его утомила.

Фу Бай:

— Папа, возвращайся сначала, я позвоню домашнему водителю, пусть заберут.

Мужун Лань совершенно не мог успокоиться.

— Я не могу не беспокоиться, лучше подожду с тобой, если что случится, смогу помочь.

Фу Бай хотел было уговорить его ещё.

В этот момент прибыли домашние телохранители, поздоровались с Фу Баем, подошли к Мужун Ланю и сказали:

— Господин Мужун, господин Фу велел нам забрать вас обратно.

Мужун Лань посмотрел на телохранителей, потом на Фу Бая.

Фу Бай улыбнулся:

— Папа, возвращайся, здоровье не позволяет так поздно засиживаться.

— Ладно, — Мужун Лань знал, что дома его ждут, пришлось уступить. — Я вернусь, велю кухне приготовить что-нибудь лёгкое, завтра приду навестить Сяо Су.

Он хотел сказать, чтобы Фу Бай нашёл место поспать, но подумал, что Фу Баю, наверное, всё равно не заснуть.

Вскоре после ухода Мужун Ланя свет в операционной погас.

Су Цзяньцю вывезли медсёстры.

Он был очень слаб, всё тело в трубках, лицо землисто-бледное.

Фу Бай подошёл к подвижной больничной койке, хотел посмотреть на Су Цзяньцю, но медсёстры остановили его, боясь, что он случайно заденет приборы или трубки и причинит пациенту боль.

Врачи и сёстры окружили Су Цзяньцю плотным кольцом, Фу Бай мог лишь издали следовать за ними, наблюдая, как его везут в палату. Его взгляд через медсестёр был прикован к Су Цзяньцю, он пытался разглядеть, очнулся ли тот. В конце концов сёстры не выдержали и освободили немного места, позволив ему встать у изголовья Су Цзяньцю.

Су Цзяньцю, оказывается, был в сознании.

— А Цю... — Фу Бай схватил его за руку, толкая койку вместе с медсёстрами, и позвал его по имени.

Медсестра сказала:

— Чтобы уменьшить страдания, мы ввели ему успокоительное. Сейчас он хоть и в сознании, но не совсем в ясном уме, возможно, не слышит, как ты его зовёшь.

Только тогда Фу Бай заметил, что зрачки Су Цзяньцю расплывчатые, землисто-бледное лицо, нефокусированный взгляд, лежащий на больничной койке, он напоминал изысканную куклу. Но он не отпустил руку Су Цзяньцю, другой рукой погладил его по щеке, тепло щеки наконец дало ему немного уверенности.

Затем он увидел, как губы Су Цзяньцю пошевелились, но из-за крайней слабости тот не мог издать ни звука.

Возможно, из-за физического дискомфорта Су Цзяньцю внезапно закрыл глаза и заплакал, очень тихо.

Фу Бай слушал, и сердце его сжималось от боли.

Медсестра промокла слёзы Су Цзяньцю ватным диском и мягко сказала:

— Не плачь, не плачь, ты сейчас слишком слаб, нельзя слишком эмоционально волноваться.

Затем обратилась к Фу Баю:

— Утешь его поскорее.

Фу Бай и болел за него, и винил себя. Наверное, Су Цзяньцю стал первым, у кого, хотя альфа был рядом, из-за неполучения феромонов пришлось везти в больницу на реанимацию. Одной рукой держа руку Су Цзяньцю, другой он прикрыл ему глаза, утешая:

— А Цю, поспи немного, когда проснёшься, всё будет хорошо.

Удивительно, но Су Цзяньцю, казалось, понял, послушно закрыл глаза, очень покорно, очень нежно потёрся щекой о ладонь Фу Бая, словно котёнок.

Сердце Фу Бая мгновенно смягчилось, стало как облако, таким нежным, что в глазах навернулись слёзы, готовые пролиться дождём.

Он задержал руку у уха Су Цзяньцю и тихо сказал:

— Спи, брат с тобой.

Когда Су Цзяньцю снова проснулся после этого сна, был уже вечер следующего дня.

Его перевели в специальную палату, посещения в этот период были запрещены.

Медсестра сообщила ему, что из-за мощного выброса феромонов у него нарушился гормональный фон, и чтобы избежать повторного феромонного удара, ему пришлось изолироваться от своего альфы на неделю, иначе разовьётся феромонная зависимость. Поэтому после того, как Фу Бай сопроводил его в эту палату, его попросили удалиться.

Су Цзяньцю считал, что так даже лучше, потому что он не знал, как теперь ему встречаться с Фу Баем, и тем более как справляться с бурей эмоций, поднимавшейся в нём при виде Фу Бая.

Воспоминания перед потерей сознания в момент пробуждения нахлынули, как прилив. Он отчётливо помнил, как отказался от феромонов Фу Бая и предложил расторгнуть контракт.

Окончательно он сам разорвал эту тонкую перегородку.

Возврата уже не было.

Эта неделя послужит переходным периодом, он сможет успокоиться и обдумать их отношения, постепенно принять, что Шу Чжэнь вернулся, и Фу Бай больше не нуждается в нём, подделке.

Теперь Су Цзяньцю наконец понял, почему Фу Бай тогда, читая его сценарий, сказал, что система 1001 — трагический персонаж. Он и сам чувствовал себя довольно трагично.

Он был достаточно рассудителен, достаточно сдержан, но стоит лишь подумать, что в ближайшую неделю, и даже в более далёком и долгом будущем он не сможет больше видеть Фу Бая, как в сердце начинала подниматься тихая грусть.

Су Цзяньцю списал эту грусть на нарушение феромонов. Омеги по природе психологически зависимы от своих альф, а он был особенно чувствителен к феромонам, поэтому такие грустные эмоции вполне нормальны, правда?

Ведь когда он расстался с Шэнь Сюци, ему не было так грустно. Очевидно, феромоны и

наличие метки играют решающую роль в психологической связи альфы и омеги.

Су Цзяньцю с трудом убедил себя в этом.

Но вскоре он обнаружил, что в этой роскошной палате нет никакой электроники, а его мобильный телефон тоже не при нём.

Ему не о чем было беспокоиться, рабочие дела Ланьлань и Ян Шо уладят, единственное, о чём он думал, был Фу Бай.

Спустилась ночь, в палате не зажгли свет, погрузив человека в темноту.

Су Цзяньцю медленно приложил руку к своим глазам, в деталях вспоминая ощущение после выхода из операционной, когда Фу Бай прикрыл ему глаза рукой.

По-другому.

Это было по-другому.

На руке Фу Бая был лёгкий запах белого мускуса и точно рассчитанное тепло.

Даже в состоянии спутанного сознания он смог мгновенно его узнать.

Печально то, что такая капелька за капелькой просачивающаяся нежность никогда не предназначалась ему.

У двери послышались шаги, дверь палаты распахнулась, свет мгновенно озарил всю комнату.

Медсестра вошла с ужином:

— Господин Су, время ужина, поешьте.

Проспав два дня, желудочно-кишечный тракт Су Цзяньцю ещё не мог воспринимать обычную пищу, поэтому еда была полужидкой.

Каша с мясным фаршем и спаржей, маленькие пельмени, пюре из батата, молочная тыква, овощной сок...

Всё это в изобилии разместилось на откидном столике над кроватью.

Сразу видно — роскошная диетическая еда в палате высшего класса.

Разнообразие богатое, но всё одинаково невкусное. Хотя два дня не ел, аппетита всё равно не было.

Су Цзяньцю смотрел на маленький столик перед собой, беря ложкой понемногу от всего, словно комар, который то тут, то там чуть-чуть попьёт.

Привередливый пациент с трудом принимал пищу.

Фу Бай вернулся от врача с пачкой анализов.

Он стоял у стеклянного окна и смотрел, как Су Цзяньцю ест, как тот брезгливо морщится.

Су Цзяньцю быстро отложил ложку.

<http://bllate.org/book/15452/1370845>